

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ЗАМОК КАК ФЕНОМЕН РЫЦАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. В. Килимник

MEDIEVAL EUROPEAN CASTLE AS KNIGHTLY CULTURE PHENOMENON

Klimnik E. V.

Basing on the extensive analysis of the medieval sources from the central and southern principalities of Holy Roman Empire the author makes an attempt to analyze the European knightly culture taking the seigneur castle as the central bulwark of feudalism.

Key words: Europe, the Middle Ages, culture, history, castles, traditions, feudal apartments

В данной статье на основе широкого анализа средневековых источников центральных и южных княжеств Священной Римской империи делается попытка анализа европейской рыцарской культуры на примере сеньорального замка как центрального оплота феодализма.

Ключевые слова: Европа, Средневековье, культура, история, замки, традиции, феодальные жилища.

УДК 363

Наряду с королевской властью с конца XI и в XII в. все сильнее в качестве строителей замков выступает региональная знать. Там, где это было облегчено топографией местности, возводятся видимые из далека, оптически господствующие над округой высотные замки. При этом не редко было одновременное, спланированное и увязанное возведение соседствующих монастырей и замков, как светской знатью, так и духовными феодалами, например, архитектурные пары – монастырь Райнхаузен и замок Гляйхен, монастырь Штайна и замок Харденберг. Борьба за укрепленные пункты, несомненно, оставалась в центре средневековой военной истории, но это была в основном (если не рассматривать колонизационные, гарнизонные замки и города) в меньшей степени борьба за опорные пункты и в большей – за права на территории и земельные владения. Захват и разрушение замков в случае конфликта наносил урон управленческой, социальной и экономической структурам, базирующимся вокруг замков (1). Кроме этого разрушение замка носило символический характер как памятник победе и собственной силе, что также не следует недооценивать. Подобные акты разрушения часто имели своей причиной и иррациональную, инстинктивную жажду славы, добычи средневекового воинства, его определенную тягу к террору и вандализму. Несмотря на свое небольшое военно-стратегическое значение в крупных военных конфликтах замки все же обладали индивидуально различной оборо-

нительной ценностью. При этом замок как постройка с особым общественным и правовым статусом определялся набором оборонительных элементов. Рыцарские замки в Европе в период Средневековья, если они не служили охране границы, образовывали своеобразный региональный политический центр с различными функциями:

- властная функция – замки являются местом, из которого зримо и осязаемо, управляется определенная территория; а также местом, вершится суд, и откуда следят за выполнением приговора;

- экономическая функция – замки являются местом, в котором сосредотачивается служба и сборы зависимого населения, т. е. служат центром хозяйственного объединения;

- оборонительная функция – благодаря своему архитектурному устройству и прочности конструкции (целиком из камня строили в тот период времени, как правило, только церкви) – замки служат защите управляющего рода, и одновременно политической стабильности региона, а в широком смысле и безопасности населения;

- бытовая функция – замки прямо демонстрируют в буквальном смысле возвышенное социальное положение своих обитателей, связанное со специфическим благородным образом жизни (2). Историческое значение этого многообразия функций связано с тем, что тогда не было линий границ и пограничных столбов, разделявших те или иные территории. То, насколько успешным было развитие и политическая интеграция определенной территории, в значительно большей степени зависело от того, удавалось ли распространить на нее политическую, юридическую и экономическую власть. И для этого господствующий над местностью замок был идеальным инструментом: средневековая территориальная политика – это политика замков. Феодальные замки были не просто инженерными сооружениями, которые были предназначены для защиты жизни и имущества своего владельца, это скорее архитектура, выражавшая идеи силы, власти и могущества. Но их важность заключалась не только в том, что они

были резиденциями крупных и средних земельных правителей, наделенных огромными полномочиями и привилегиями. Эти сила и власть были столь тесно связаны с замком, что трудно определить, кому они принадлежали – самому замку или его хозяину. Феодальный замок и власть в сельской местности или городе были одно и то же (3). Административным и юридическим центром было жилище феодала, которое могло быть не только замковым комплексом, но и сельской фермой, аббатством или городским дворцом. Приобрести замок означало получить вместе с ним привилегии, даже если он был куплен у другого феодала, унаследован, подарен королем или захвачен более расторопным соседом. Обычно новый хозяин брал себе титул приобретенного владения, наследуя, таким образом, преемство власти. В результате домен, замок, и феодал были единой сущностью, элементы которой невозможно отделить друг от друга.

Правовые рамки, указывающие на особое значение замков, мы находим в числе прочего в Саксонском Зерцале (*Sachsen-spiegel*), относящемся к 20-м годам XIII в. и являющимся старейшим всеобъемлющим известным сводом законов на немецком языке: "Без разрешения (уполномоченного королевского) судьи не может быть ни построен замок, ни город укреплены забором или стеной, ни в пределах деревни насыпан вал или возведена смотровая башня... Можно (однако) без его разрешения строить в три этажа один над другим из дерева или камня, один в земле, а два сверху, при условии, что на нижнем этаже имеется дверь не выше колена над уровнем земли. Можно беспрепятственно укрепить двор забором или частоколом, или стеной, такой высоты, что человек на коне достать может. Но зубцов и бруствера быть на ней не должно" (4). Из этого видно, что укрепленная постройка могла считаться замком в том случае, если она имела стену, такой высоты что всадник не мог достать до верха, если она имела главную башню (бергфрид, донжон) с высоко расположенным входом или если стена имела зубцы или бруствер. Четко указанное в Саксонском Зерцале королевское преиму-

ществленное право на строительство замков в ходе XIII в. переходит в руки князей, без необходимости подтверждения разрешения королем в каждом отдельном случае (5). Живопись той эпохи наглядно демонстрирует, как средневековый человек представлял себе замок, абстрактно отображая при этом его главные элементы – расположение на возвышении, увенчанную зубцами крону высокой стены и еще более высокую башню. Это подтверждает так называемое "Саксонское зеркало" (*Sachsenspiegel*) – созданное между 1224 и 1231 гг. Этот документ является правовой рукописью рыцаря Айке фон Репгова, содержание которой взаимно перекрывается со "Швабским зеркалом" (*Schwabenspiegel*). В нем точно определено, что делает замок замком, какие постройки подпадают под законы об укреплениях, а потому требуют разрешения на строительство. Этими признаками были:

1. Любые башни, замковый холм, замковый остров;
2. Любая стена, возведенная выше, чем способен достать всадник своим мечом;
3. Любая стена, имеющая зубцы или бруствер;
4. Любая постройка из дерева или камня, поднимающаяся над углубленным первым этажом больше, чем на два этажа, и чей вход расположен выше уровня колена;
5. Любой ров, выкопанный так глубоко, что удаление земли уже невозможно без дополнительной рабочей площадки. В списке отсутствуют эркеры, опускающиеся решетки, подъемные мосты и бойницы. Если эркеры, подъемные мосты и бойницы получили распространение лишь в это время или позже, то вызывает удивление в документе отсутствие опускающихся решеток (6). Важно сначала дать определение этим оборонительным элементам и проанализировать их, чтобы понять, насколько обороноспособным был замок на самом деле, насколько высоко в действительности было его военно-стратегическое значение. Картина, складывающаяся для Франции и Англии, справедлива и для замков немецкоязычного пространства. Многочисленные искусно, как раньше предполагалось, размещенные бой-

ницы в замковых комплексах оказываются при ближайшем рассмотрении ввиду своей строительной планировки лишь ограниченно или вообще непригодными. Многие опускающиеся решетки, подъемные мосты и эркеры были, несомненно, не вполне функциональны для активной обороны. Они как атрибуты замка стали атрибутами благородного сословия и как таковые быстро приобрели самостоятельное значение. Если в построенной в 1590 г. замковой резиденции Кирхензиттенбах обнаруживаются старомодные бойницы в форме "замочной скважины" и миниатюрный ров, то ее хозяин, скорее всего, демонстрирует этим те же старинные привилегии на строительство укреплений, что например, и аббаты Зелигенштадта, создавшие в 1705-08 гг. постройку, по своему внешнему виду напоминающую средневековый анахронический для этого времени замок, окруженный водяным рвом (7). Функциональность часто отступала на второй план по отношению к символике, что было вполне привычно для людей средневековья. Это особенно справедливо для построек устремленных вверх, что хорошо демонстрируется родовыми башнями тосканских и ломбардских городов, таких как Сиена, Флоренция, Пиза, Болонья, Павия, или башнями патрициата таких городов как Регенбург. С увеличением высоты эти постройки существенно теряли обороноспособность, так как неблагоприятный угол паления и большая мертвая зона делали проблематичной оборону основания башни. Особенно интересен феномен зубцов. Уже ранним культурам Египта и Месопотамии они служили и как элемент украшения и защиты. В средние века зубцы были синонимом обороноспособности, и соответственно привилегией. Некоторые замки, башни ворота, стены имели иногда зубчатые венцы даже там, куда вообще не было подхода, но тем самым отображался общественный ранг постройки (Эйзенберг, Рохсбург). Во многих итальянских городах зубчатые венцы ратуш служили инструментом и знаком независимости города. Зубцы и бойницы как символы принадлежности к знати вскоре появляются и на печных трубах, кафельных печах, стенных

шкафах, каретах, кубках, светильниках и даже цветочных горшках. Изучение памятников военного зодчества, в частности феодальных замков XI-XII вв., дает возможность отметить процесс развития того архитектурного принципа, который был кратко назван «обособлением», нарушением органической связанности здания. Происходит обрастание донжона башенками, пристроями, службами, что приводит к дроблению архитектурного комплекса. При этом превращение донжона из прямоугольного в круглый вело к усилению его обороноспособности.

Идеализированные описания в рыцарских романах, так же как и ностальгия по прошлому, проецируют на средневековый период образ жизни аристократии раннего Нового времени. Ситуация, описанная Стумпфом, подтверждается археологической работой, которая проводится в последние годы. В большинстве случаев замок был домом не более 10-ти человек, и все они должны были трудиться и трудиться, чтобы заработать на жизнь. В эпоху Средневековья крупные феодалы и землевладельцы проживали в своих сельских имениях. Здесь они жили и управляли своим хозяйством. Имение обеспечивало выживание семьи и поддерживало ее сносное существование, являясь основой ее силы и власти. Возраставшие доходы от уплаты налогов в деньгах или крестьянской продукции, давали возможность феодалам реконструировать свои укрепленные жилища. Замокостройки, поднятые на вершины холмов и символизирующие превосходство правящего класса, сделали очевидным различие в статусе феодалов и крестьян. В период, когда практика кровной вражды продолжалась и развивалась, улучшение осадной техники и фортификации шло рука об руку с экономическими и социальными переменами, что было совершенно необходимо для развития замка.

Каждому замковому комплексу нужна была земля и титул – то есть имение, которым феодал лично управлял, и за которым ухаживали по его распоряжению крестьяне. При замке был огород с овощами, травами и цветами. Средневековая поэзия часто упо-

минает "сад с деревьями, которые летом дают прохладу". В литературе такие сады служат еще и местом для куртуазных бесед и шалостей. Тенистый сад был подходящим местом для любовных свиданий, как можно видеть в поэме про Тристана и Изольду, где Изольда стелет постель в саду, перед тем как послать за своим любимым. Даже учитывая обязательную дань с крестьян, усилия феодала по содержанию своей семьи были намного значительнее, чем это обычно признается исследователями. Налоги с крестьян были правилом, но они всегда были недостаточными. В результате феодал был зависим от хорошего состояния и плодородности своих садов и огородов. Поля, фруктовые сады и луга были настолько важны, что для того, чтобы разбить врага и нанести ему значительный урон, не нужно было разрушать его замок. Так, в 1309 г. небольшая группа солдат атаковала замок Грамоглиано (Северная Италия). Они срезали все виноградники вокруг и разрушили все сады, без всякой осады продемонстрировав свою воинскую доблесть. Вся феодальная экономика базировалась, по существу, на домашнем скоте и зерне, продажа которого в городе обеспечивала важнейший источник дохода. Экономика замка зиждилась на самодостаточности. В ней было необходимое число людей, производящих ремесленные изделия и орудия труда для повседневных нужд (плотники, прядильщики, кожевники и ткачи). В замках мелкой знати с населением около 20 человек каждый житель, включая детей, должен был принимать участие в сельхозработах. Иначе обстояло дело в резиденциях земельной знати. Члены правящих семей не привлекались к работам и совершенствовались только в военном деле. Географическое расположение замковых объектов показывает насколько важны были для феодалов доходы от сельского хозяйства. Местоположение замков находилось в прямой зависимости от плодородности сельскохозяйственной земли, которая приносила основной доход их владельцам.

"Жизнь, полная удовольствий, какой я однажды жил и по которой я теперь плачу. Я живу против моей воли в моем замке, что

усиливает мое одиночество. Мое единственное развлечение – это крики осла и павлина". Это автобиографическая хроника Освальда фон Волькенштейна – феодала из южного Тироля, умершего в 1445 г. (8). Она, бесспорно, является одним из ранних источников, создающих довольно реалистическую картину повседневной жизни обитателей замков, и служит прямым контрастом сложившемуся стереотипу утонченного, экзальтированного и великолепного мира Средневековой литературы, в которой представлен величественный рыцарский идеал. Скудность информации о повседневной жизни в Средневековье и начале Возрождения всегда поощряла историков давать достаточно вольную оценку информации, почерпнутой в средневековой литературе. Вопрос о ценности литературных примеров как исторических доказательств не может быть решен только теоретически. Разумнее было бы признать, что теоретические умозаключения не дают нам возможности делать прямые выводы по поводу средневековой жизни только на основании примеров из искусства и художественной литературы. Кроме того, такие вопросы методологии абсолютно игнорируются до сих пор при описании придворной культуры XII-XIII вв. Неизвестно, могут ли литературные свидетельства служить приемлемыми источниками информации о придворной жизни, но верно то, что реалистического описания повседневной жизни небольших замков в подобных источниках практически нет. Принципиальной ошибкой прежних историков при описании средневекового общества и его культуры было то, что все попадали в эти поэтические конструкции и принимали их за реальность". Так же и жизнь в замке Священного Грааля, описанная Вольфрамом фон Эшенбахом, есть по сути свободное поэтическое превращение со своими Средневековыми идеалами. Его роскошные замки с огромными залами, сотнями рыцарей и изысканной обстановкой в реальности никогда не существо-

вали. Наиболее цитируемые описания стекол в оконных проемах и восковых свечей в канделябрах показывают, что эти аспекты повседневной жизни были чаще только выражением того, чего в реальности люди не имели. Чтобы освободиться от тяжести экономических трудностей, феодалу нужно было поступить на службу к сеньору или нести военную службу. Типичный пример – жизнь Вилвольта фон Шаумберга, описанная около 1500 года. Не имея наследства, Вилвольт представился ко двору маркграфа Бранденбургского, известному своим царственным величием. Здесь он проявил себя военачальником с блестящими способностями и заслужил звание верховного главнокомандующего. В конечном итоге он с почетом уволился с военно-административной службы. Приобретя, таким образом, состояние, он выкупил у кредиторов фамильный замок и построил на его руинах новую резиденцию. Его биограф рассказывает о прекрасных стенах, башнях, рвах с водой, крепостных валах, больших нагретых залах и часовне, посвященной его предкам, память о которых должна была храниться до тех пор, пока стоит замок (9). Таким образом, несмотря на отработки и дань с крестьян, феодал был вынужден работать, если хотел выжить. Правда, чтобы защитить благородство своего звания, он мог не выполнять ручную работу и не заниматься ремеслом, зато мог иметь интерес к купеческому делу и продавать продукцию, произведенную в замке – скот, овощи, вино, зерно, воск, кожи, ремесленные изделия. Сельское хозяйство играло столь решающую роль в выживании феодала, что, несмотря на близость врага, рыцари в ополчении часто вынуждены были просить у своего предводителя позволения вернуться домой, чтобы возделывать свои поля. Даже в то время современники отмечали существование необычайной пропасти между идеализированной жизнью рыцарей в литературе и реальностью.

Об авторе

Килимник Евгений Витальевич, кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой гуманитарного и социального образования Уральского института социального образования (г. Екатеринбург). Сфера научных интересов:

история европейской средневековой культуры, дворцово-замковое зодчество, история военного дела.

kilimnik_06@mail.ru

